

ВѢСТНИКЪ

65-1-
358

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1884

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА.

НОВЯВРЬ — ДЕКАВРЬ, 1884.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

	стр.
Задачи этнен, при современныхъ условіяхъ знанія.—Ш-V.—К. Д. КА- ВЕЛИНА	5
Кордьяли-Замарашка.—Литературно-критическій отрывокъ.—К. В.	53
Воспоминанія о семьѣ И. С. ТУРГЕНЕВА.—I.—В. Н. ЖИТОВОЙ.	72
Дни Дядю.—1718—1784.—Опытъ характерности.—IV-VI.—Окончаніе. —АЛЕКСЪЯ Н. ВЕСКЛОВСКАГО	125
У храма искусствъ.—Повѣсть.—XV-XXV.—Окончаніе.—Д. И. СТАХЪЕВА	160
Простая исторія.—Повѣсть Чарльза Рида.—I-IV.—Съ англійскаго.—А. Э.	204
Овъ историческомъ складѣ русской народности.—Историко-критическія замѣтки.—VIII-X.—А. Н. ПЫПИНА.	248
Французскій романъ въ 1884 году.—А. Daudet, „Sapho“.—E. de Goncourt, „Chérie“.—E. Zola, „La joie de vivre“.—К. Е. АРСЕНЬЕВА.	293
Простая письма.—Н. ЩЕДРИНА	315
Хроника.—Прожитокъ и занатія петербургскаго населенія, по пере- пискѣ 1881 г.—Ю. Э. ЯНСОНА.	323
Внутреннее Овозраженіе.—Возобновленіе засѣданій Кахановской комиссіи.— Предположенія ея относительно сельскаго общества и волости.—Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа.—Необходимость дальнѣй- шаго развитія фабричнаго законодательства.—Нападенія на крестьянскій поземельный банкъ.—Отчеты департамента необладанныхъ сборовъ и оберъ- прокурора св. синода	363
Письма изъ провинціи.—Саратовъ.—Н. И.	390
Иностранное Овозраженіе.—Сближеніе Франціи съ Германіею и предстоящая конференція въ Берлинѣ.—Австро-германскій союзъ и его значеніе.— Брауншвейгское наследство.—Клерикалы и либералы въ Бельгіи.—Ан- глійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ	401
Письмо изъ Нью-Йорка.—Похороны Магъ-Гахана въ Америкѣ.—П. П.	417
Литературное Овозраженіе.—Древній законъ и обычай, Г. Мэна, пер. п. р. М. Ко- валевскаго.—Моймъ критикамъ, Н. Карѣва.—О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, Г. Блукенфельда.—Д. С.—Генералиссимусъ князь Суворовъ, А. Петрушевскаго.—А. Н.—Грядущее рабство.—Г. Спенсера. —Очерки и изслѣдованія, И. И. Янжула.—Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ, А. Ѳедорова.—Eugène Onéghine, trad. par W. Mikhaïloff.—К. К.	427
Отвѣтъ автору книги: „Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чув- ства красоты“.—В. А. ГОЛЫЦЕВА	442
Изъ Овдѣствованной Хроники.—Толки о „возвращеніи правительства“, въ связи съ университетскою реформою и послѣдними студенческими беспоряд- ками.—Дѣло Ѳедорова и Свиридова.—Два тѣла народной школы.—По- смертная вражда.—Отмѣщаемыя на половину привилегіи.—„Русь“ о „Востангѣ Европѣ“	445
Извѣстія.—О преміи имени князя А. И. Васильчикова, отъ Слб. Отдѣленія Контраста о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товари- ществахъ	467
Библиографическій Листокъ.—Государственные долги, Н. Бржескаго.—Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ европейцевъ съ Китаемъ по 1860 г., Д. Мертваго.—Недоконченныя бесѣды (Между дѣломъ), М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Курсъ уголовного судопроизводства, И. Я. Фойницкаго.	

ОТВѢТЪ АВТОРУ

КНИГИ: „ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ ЧУВСТВА КРАСОТЫ“.

Въ июльской книжкѣ журнала „Русское Богатство“, г. Оболенскій, авторъ „Физиологическаго объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“, возражаетъ на замѣчанія объ этомъ сочиненіи, помѣщенные мною въ статьѣ: „По вопросу о прекрасномъ“¹⁾.

Г-нъ Оболенскій утверждаетъ, что „красотой человечество считаетъ свой зоологическій типъ съ его вѣшной и внутренней стороны“. Въ статьѣ, напечатанной значительно позже названной книжки, тотъ же авторъ говорилъ, что „типичность явленій не есть особенность въ художественномъ смыслѣ“. Я нашелъ это положеніе несогласнымъ съ другою мыслью г. Оболенскаго, а именно: „искусство—утверждалъ онъ,—имѣетъ дѣло не съ исключительными явленіями, а съ явленіями типичными, характерными для данной среды“. И вотъ онъ разъясняетъ теперь, „что мною было неправильно понято выраженіе: *особенность*; авторъ хотѣлъ указать этимъ выраженіемъ на то, что типичность явленій не составляетъ признака одного только искусства (наука имѣетъ дѣло съ подобными же явленіями). Въ такомъ случаѣ я, дѣйствительно, ошибся; однако, мою вину долженъ раздѣлить самъ авторъ, употребившій слово, допускающее двойное толкованіе и недостаточную опредѣленность мысли. Но къ этому я долженъ прибавить слѣдующее.

Для опредѣленія недостаточно брать такіа слова, такіе признаки, которые не составляютъ *особенности* даннаго явленія, а служатъ признакомъ, общимъ этому и другому явленію. Сказать, что кипарисъ имѣетъ стволъ и вѣтви—не значитъ вовсе опредѣлить именно кипарисъ. Я продолжаю думать, что вышеприведенное опредѣленіе, данное красотѣ г. Оболенскимъ, грѣшитъ подобнымъ недостаткомъ; но я не отрицаю того, что въ немъ заключается часть истины. Многіе писатели высказывали такое же мнѣніе, какъ и г. Оболенскій. Напримѣръ, Либманъ²⁾, привелъ слова Цейзинга о законахъ симметріи и такъ-называемаго золотого разрѣза „die horizontale Gliederung von dem Gesetz der Symmetrie, die verticale von dem des

1) „Вѣстникъ Европы“, июль, стр. 740.

2) Liebmann: Zur Analysis der Wirklichkeit, 1876, 526—527.

goldnen Schnitts beherrscht und regulirt werde“), замѣчаетъ, что это происходитъ потому, что такъ организовано наше тѣло. Но подобныхъ опредѣленій, повторяю, недостаточно: они, съ одной стороны, слишкомъ общи, относясь къ явленіямъ и не эстетическимъ, и слишкомъ узки, не охватывая нѣкоторыхъ эстетическихъ явленій. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе: почему же прекрасны Альпы, если красотой человѣчество считаетъ свой зоологическій типъ съ внешней и внутренней стороны,—г. Оболенскій, мнѣ кажется, чрезмерно расширяетъ понятіе: *типъ человѣка* (нѣсколько странно звучить: *зоологическій типъ съ внутренней стороны*; но слѣбу прибавить, что странность заключается лишь въ непривычномъ сочетаніи словъ). Конечно, всё ощущенія и сужденія совершаются *въ человѣкѣ*, но океанъ, страсбургскій соборъ или симфонія Ветховена имѣютъ мало общаго съ зоологическимъ типомъ человѣка въ строгомъ смыслѣ этого слова. Думается мнѣ, что г. Оболенскій смѣшиваетъ отчасти типъ съ идеаломъ, нормальное съ прекраснымъ. Картины Рафаэля, произведенія Гёте или Байрона являются исключительными въ ряду художественныхъ произведеній, далеко оставляя за собою среднія (типичныя) изъ нихъ,—и такія-то произведенія прекрасны по преимуществу. Подъ опредѣленіе г. Оболенскаго подойдутъ дѣйствующія лица въ романахъ Зола, но, конечно, не подойдетъ Фаустъ или маркизъ Поза. Многие, и весьма справедливо, полагаютъ, что всякое художественное произведеніе есть не только изображеніе предмета, но и сужденіе о немъ, такъ что идеально прекрасное, будучи понятіемъ относительнымъ, находится въ тѣсной связи съ идеалами нравственности, добра, умственной мощи. Въ эстетическое сужденіе входятъ поэтому и утилитарные элементы, хотя нельзя не согласиться съ Либманномъ, что въ отсутствіи интереса, въ практическомъ смыслѣ этого слова, лежитъ *субъективный* критерій прекраснаго. По мѣрѣ развитія человѣчества, эстетическое сужденіе становится богаче (въ этомъ мы не расходимся съ г. Оболенскимъ), вкусъ изящнѣе, и мрачное предсказаніе Ренана, что красота исчезнетъ передъ наукой¹⁾, не имѣетъ за себя убѣдительныхъ доказательствъ.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ указать на интересное сочиненіе А. W. Holmes-Torbes: „The Science of beauty: an analytical inquiry into the laws of Aesthetics, 1881. На этотъ трудъ не было, насколько мнѣ извѣстно, обращено вниманіе въ нашей литературѣ о прекрасномъ, а книга заслуживаетъ вниманія.

¹⁾ La beauté disparaîtra à l'avènement de la Science.—Противъ этой мысли Ренана возражалъ Гюйо („L'antagonisme de l'art et de la Science, „Revue de deux-mondes, 1883, 15 novembre“). Гюйо говоритъ: „La beauté doit s'intellectualiser pour ainsi dire“.

Авторъ возстаетъ противъ отождествленія полезнаго и прекраснаго, и говоритъ, что послѣднее существуетъ въ полезныхъ предметахъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ цвѣтъ существуетъ въ вещахъ, теплота въ огнѣ, сладость въ сахарѣ. Красота есть относительное выраженіе—и заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, объективное качество вещества и, во-вторыхъ, субъективное волненіе духа (admiration). Эти термины, конечно, соотносительны, точно такъ же, какъ возвышенному (sublimity) соответствуетъ благоговѣнный страхъ (awe). Немыслимо, чтобы какое-либо качество вещества могло непосредственно вызвать волненіе восхищенія, которое принадлежитъ къ интеллектуальнымъ чувствованіямъ (ideal, mental, sentimental feelings) и развивается въ соотвѣтствіи съ развитіемъ разума, подвергающаго переработкѣ наши ощущенія. Только въ дѣтствѣ мы можемъ относиться къ предметамъ внѣшняго міра съ полнымъ безпристрастіемъ, вслѣдствіе недостатка идей и слабости ихъ ассоціаціи. Умъ перерабатываетъ пріятныя ощущенія въ эстетическія, хотя не слѣдуетъ забывать, что развитіе ума можетъ быть очень одностороннимъ, и многіе образованные люди бывають почти лишены способности восхищаться (въ эстетическомъ смыслѣ слова) или испытывать благоговѣнный страхъ передъ возвышеннымъ. Кромѣ того, одинъ и тотъ же красивый предметъ вызываетъ у равныхъ людей различныя волненія.

Какъ прекрасному противоположно безобразное (ugliness), вызывающее отвращеніе (disgust),—такъ возвышенное, которое неразрывно связано съ представленіемъ о мощи, противопоставляется низкому (Meanness), въ основѣ котораго лежитъ малосильное. Просто безсильное, отсутствіе силы не вызываетъ презрѣнія (contempt): это чувство пробуждается не при видѣ, напримѣръ, букашки, сметаемой легкимъ дуновеніемъ, а при видѣ человѣка, у котораго *недостатъ силы*, чтобы сохранить свое достоинство, а между тѣмъ извѣстный запасъ этой силы существуетъ у каждаго, и ея обыкновенно хватаетъ и должно доставать въ случаяхъ подобнаго рода. Такимъ образомъ, тѣсная связь эстетическихъ и нравственныхъ сужденій высшаго порядка не подлежитъ, въ глазахъ англійскаго писателя, ни малѣйшему сомнѣнію. Произведенія искусства,—говоритъ онъ,—должны возбуждать добрыя и доблестныя чувства, иначе они не вызовутъ восхищенія. Holmes-Forbes впадаетъ даже въ преувеличеніе въ этомъ отношеніи, слишкомъ настаивая на моральномъ значеніи прекраснаго. Добродѣтель и прекрасное, по его мнѣнію, охватываютъ другъ друга, и первая является вышею формою красоты.

В. Гольцевъ.

